

ПОГРЕБЕНИЯ СО СЛОЖНОСОСТАВНЫМИ ЛУКАМИ БИРИТУАЛЬНОГО МОГИЛЬНИКА КРАСНАЯ ГОРКА САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Лук как оружие дистанционного боя являлся одним из основных средств ведения боевых действий у раннесредневекового населения салтовско-маяцкой культуры бассейна Северского Донца. Однако находки и луков, и элементов их конструкций в салтовских памятниках Подонцовья достаточно редки. Так, из аланских комплексов Подонья салтовского времени происходят всего 13 наборов костяных накладок на лук (Криганов А.В., 1993, с.53). При этом условия обнаружения остатков луков в захоронениях свидетельствуют, что зачастую многие из них были в древности преднамеренно сломаны и помещены в могилу неполными. Однако именно эти находки позволили исследователям говорить о наличии специфического так называемого салтовского типа "хазарского" лука (Савин А.М, Семенов А.И., 1998, с.294; Круглов Е.В., 2005, рис.2, II, С). Наиболее полное представление об этом типе лука дают наборы костяных накладок из погребальных комплексов Дмитриевского катакомбного могильника (Плетнева С.А., 1989, с.70, рис.32) и катакомб Маяцкого селища (Винников А.З., Афанасьев Г.Е., 1991, с.51, рис.22, 1, 3-7, с.63, рис.33, 8-12). В конструкцию салтовского типа "хазарского" лука входит пара срединных боковых пластин, пара клиновидных тыльных плечевых накладок и пара концевых фронтальных накладок с прорезью для тетивы. Фронтальные концевые накладки представляют собой короткие (около 9-10 см) пластины ланцетовидной формы, которые в разрезе имеют форму равнобедренного треугольника. Плечевые тыльные накладки представлены пластинами в форме сильно вытянутой трапеции длиной 20-25 сантиметров. Срединные боковые накладки имеют вид вытянутой трапециевидной или полуовальной пластины с заостренными концами длиной до 15-20 см (Плетнева С.А., 1989, с.69-71, рис.32; Флёров В.С., 1984, рис.16, 4, 5; 19, 8). Отличительной особенностью накладок "хазарского" лука является

особое технологическое оформление их тыльной стороны системой насечек, позволяющей повысить прочность скрепления накладок с деревянной кибитью, а также наличие системы насечек на лицевых краях срединных боковых пластин, конце фронтальных концевых и клиновидных плечевых накладок для более жесткой фиксации жильной обмоткой (Круглов Е.В., 2004, с.64).

Остатки сложносоставных луков, выполненных по "хазарской" технологии (термин предложен Е.В.Кругловым), на памятниках бассейна Северского Донца найдены не только в погребениях донских алан, но и в захоронениях, оставленных праболгарским населением салтовско-маяцкой культуры. Так, костяные накладки на лук обнаружены в 7 из 312 погребений биритуального могильника Красная Горка¹: в четырех захоронениях по обряду труположения (№ 150/к-13, 264/к-24, 282, 293/к-34) и в трех погребениях по обряду трупосожжения (№ 216/к-19, 233, 254). Шесть из семи захоронений с остатками лука принадлежали воинам-всадникам. В силу специфики погребального обряда остатки луков лучше сохранились в ингумационных погребениях, но и в эти захоронения они помещались уже преднамеренно сломанными. Зачастую в погребении находилась только часть лука.

Основной целью данной работы является введение в научный оборот новых источников, подробная информация о которых, безусловно, может помочь в решении такой актуальной проблемы как зарождение и эволюция сложносоставных луков у раннесредневековых народов степной и лесостепной зон Юго-Восточной Европы.

Погребение № 216/к-19 было обнаружено на глубине 0,75 м от уровня современной поверхности почвы. Погребальная урна с очищенными от следов погребального костра пережженными человеческими костями стояла устьем вверх (рис.1. 1). Урной служил салтовский столовый двуручный

¹310 захоронений могильника были исследованы в 1984-1992, 1994 гг Средневековой археологической экспедицией Харьковского госуниверситета под руководством В.К.Михеева, еще 2 погребения были раскопаны в 2000 г в ходе совместной экспедиции Харьковского исторического музея и Музея археологии и этнографии Слободской Украины при Харьковском национальном университете под руководством В.С.Аксенова.

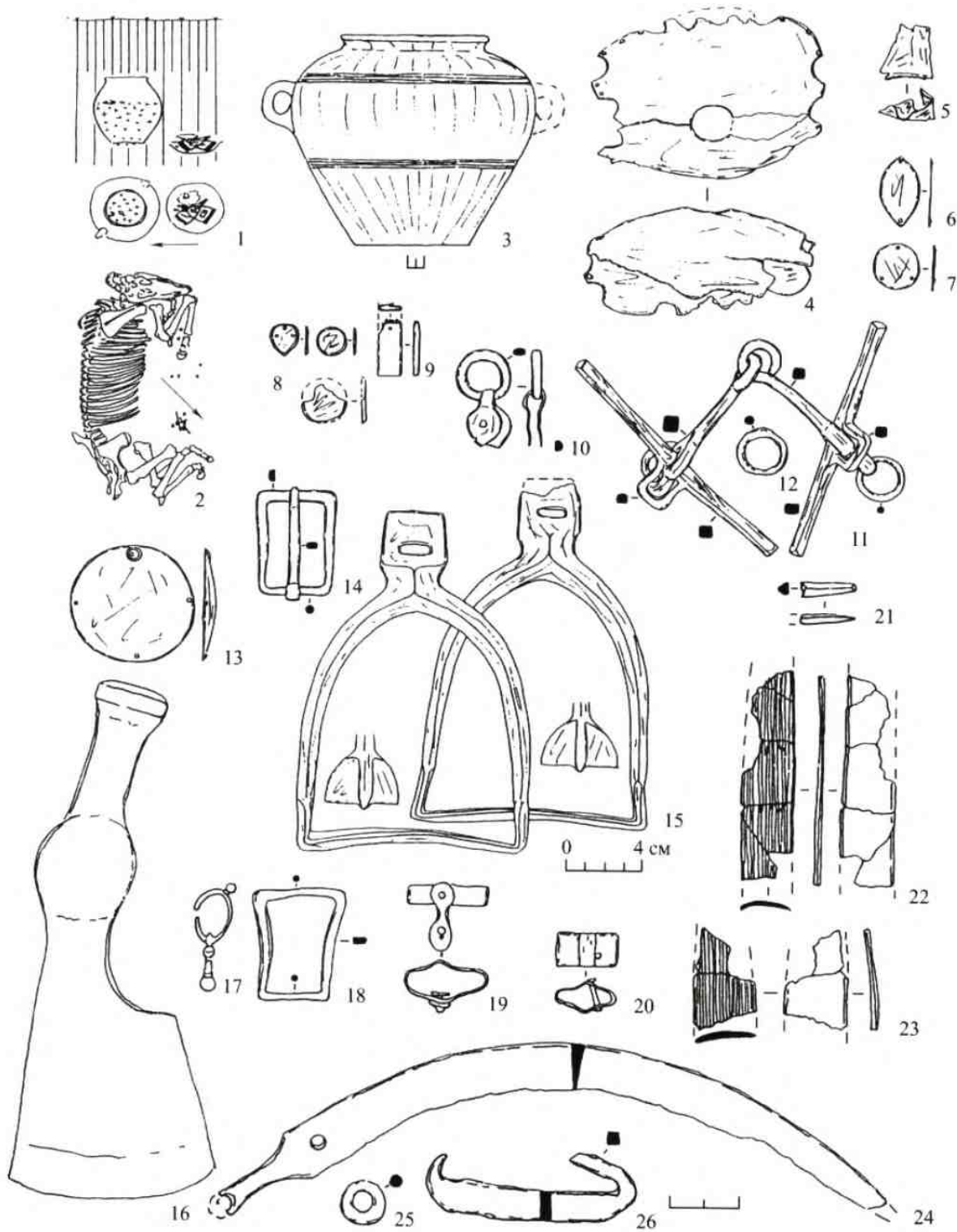

Рис. 1. Погребение № 216/к-19.
 Fig. 1. Burial 216/k-19

горшок серого цвета (рис. 1, 3). Одна из ручек и дно сосуда были преднамеренно отбиты еще в древности. Кальцинированные кости занимали нижнюю часть сосуда до уровня верхнего основания ручек. Внутри урны, на уровне ее плечиков, лежали: кучочек охры, железное калачевидное кресало с загнутыми во внутрь ушками (рис. 1, 26), бронзовая литая сережка с неподвижной подвеской (рис. 1, 17). Среди пережженных костей были обнаружены железные обоймы от ножен ножа (рис. 1, 19, 20), трапециевидная рамчатая поясная пряжка (рис. 1, 18), фрагменты костяных накладок на лук (рис. 1, 21-23). В 5 см южнее урны, на уровне ее дна, был обнаружен комплекс вещей, состоящий из боевого топорика-чекана (рис. 1, 16), железного складного серпа с бронзовым колечком для подвешивания (рис. 1, 24, 25), пары железных стремян с прямоугольной петлей (рис. 1, 15), бронзового фигурного конского начельника, преднамеренно сломанного в древности (рис. 1, 4, 5), железной подпружной пряжки трапециевидной формы (рис. 1, 14). В 2 м к западу от урны на глубине 1,0-1,05 м от уровня современной поверхности обнаружено захоронение коня № 19, которое своим погребальным инвентарем дополняло инвентарь погребения № 216. Контуры могильной ямы не прослеживались. Лошадь была уложена на левый бок с подогнутыми под брюхо конечностями. Шея лошади повернута вправо так, что голова покоилась на передних конечностях, опираясь на них нижней челюстью (рис. 1, 2). У передних конечностей лошади, на той же глубине, лежали кучкой железные удила с прямыми псалями (рис. 1, 11), железное сбруйное кольцо (рис. 1, 12). Вместе с ними находились бляшки от ремней конской сбруи круглой, лавролистной и листовидной формы (рис. 1, 6-8). Здесь же лежал железный соединитель, состоящий из плоского кольца и пластинчатого зажима листовидной формы (рис. 1, 10), и 2 наконечника прямоугольной формы от ремней оголовья, свернутые из тонкого бронзового листа (рис. 1, 9).

Погребение № 233 было обнаружено на глубине 0,85 м от уровня современной поверхности. Тщательно пережженные человеческие кости вместе с остатками погребального костра (золой, пеплом и древесным углем) заполняли слоем мощностью 9 см овальную в плане могильную яму размерами 0,35x0,6 м, ориентированную длинной осью по линии восток-запад. Под пережженными человеческими костями были обнаружены фрагменты железных оковок колчана (рис. 2, 21), которые не носили следы пребывания в огне погребального костра. Среди пережженных человеческих костей были найдены фрагментированные костяные накладки на лук (рис. 2, 17-20).

Погребение № 254 представляло собой ямное трупосожжение с тщательно пережженными и очищенными от следов погребального костра человеческими костями, залегающими на глубине 0,5 м от уровня современной поверхности. Среди костей находился бронзовый проволочный браслет (рис. 4, 9). В полуметре севернее, на глубине 0,4-0,7 м располагалась основная часть трупосожжения. Пережженные человеческие кости лежали сплошным слоем площадью 0,25x0,3 м, поверх которого находился следующий вещевой комплекс (рис. 3, 1): биметаллический котел, преднамеренно смятый в древности; два непарных стремени салтовского типа (рис. 4, 16); удила с фигурными псалями (рис. 4, 7); два сбруйных кольца (рис. 4, 15); бронзовый чумбурный блок (рис. 4, 4); три железных распределительных кольца (рис. 4, 17); железные бляшки от ремней сбруи (рис. 4, 5, 6); железная оковка луки седла (рис. 4, 18); боевой топорик-чекан (рис. 4, 1); два разнотипных наконечника копья (рис. 4, 2, 3); железные детали колчана (рис. 4, 8); железный колчаный крючок (рис. 3, 5); наконечники стрел (рис. 3, 6-13); четыре железные пряжки (рис. 4, 13, 25); железный наконечник поясного ремня (рис. 3, 19); крюк для доставания мяса из котла, преднамеренно согнутый в древности (рис. 4, 26); преднамеренно деформированная в древности сабля (рис. 3, 14); серебряные оковки от ножен сабли (рис. 3, 15, 16); серебряные детали рукояти сабли (рис. 3, 17, 18); ложкорез (рис. 4, 21); складной серп (рис. 4, 19); два черешковых ножа (рис. 4, 22, 23); железный пластинчатый пинцет (рис. 4, 11); перовидное сверло (рис. 4, 20); железная фибула в виде кресала-уточка (рис. 4, 20). Среди пережженных человеческих костей были обнаружены фрагменты костяных накладок на лук (рис. 3, 2-4) и костяной рукояти плети, украшенной сложным растительным орнаментом (рис. 3, 20-26).

Таким образом, в погребениях по обряду кремации № 216/к-19, 233, 254 сложносоставные луки были представлены фрагментами костяных концевых фронтальных накладок (рис. 1, 21; 2, 17, 18; 3, 2) и клиновидных тыльных плечевых накладок (рис. 1, 22, 23; 2, 19, 20; 3, 3, 4). Фрагменты клиновидных тыльных плечевых накладок были вычленены из общей массы кальцинированных костей, представленных в захоронениях, благодаря наличию на их внутренней стороне системы насечек, являющихся отличительной чертой технологического оформления накладок салтовского типа "хазарского" лука.

Характеристика погребального обряда инунационных захоронений с остатками луков представлена в таблице 1.

Табл. 1. Ингумационные погребения с луками могильника Красная Горка

№ п/п	Размеры ямы			Внутримогильная конструкция			Ориенти- ровка	Руки погребенного		Ноги погребенного		Сосуд		Мясо
	длина	ширина	глубина	гроб-колода	гроб-ящик	гроб-рама		выгнутые	согнутые	вытянутые	перекрещены	в головах	в ногах	
150/ к-13	2,5	1,49	1,5		+		ЮЗ	+			+		+	
264/ к-24	2,65	1,25	1,8		+		ЮЗ	+	+	+		+		+
282	2,2	0,55	1,2	+			ССВ		+		+	+		
293/ к-34	3,5	0,8	2,05		+		ЮЗ		+		+		+	

Данные захоронения были произведены в простых грунтовых ямах прямоугольной в плане формы с несколько закругленными углами. Размеры могильных ям зависели от того, укладывался ли умерший мужчина в могилу в сопровождении коня или нет, а также от места коня в общей с человеком могильной яме. В двух случаях (погр. № 150/к-13, 264/к-24) костяк коня располагался рядом с человеком, справа от него (рис.5, 10; 7, 1). В погребении № 293/к-34 конь лежал в ногах человека и был ориентирован головой в ту же сторону, что и его хозяин (рис.6, 1) В исследуемых погребениях зафиксированы остатки деревянных конструкций в виде гробов-ящиков, гроба-колоды (рис.2, 1). Костяки людей лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад с сезонными отклонениями к югу. Руки были согнуты в локтях так, что кисти рук располагались в области живота, или были вытянуты вдоль туловища. Ноги прямые, в трех случаях (погр. № 150/к-13, 282, 293/к-34) они были скрещены в голеностопе, что указывает на связывание ног умерших при погребении. В захоронении № 282 костяк мужчины был ориентирован по линии север-юг с сезонным отклонением. В нем отмечены масштабные следы проведения обряда обезвреживания покойника. Так, череп умершего отделен и развернут лицевыми костями к торцевой стенке гроба-колоды, а нижняя челюсть располагалась у противоположной стенки, в ногах мужчины (рис.2, 1). Интересным элементом погребального обряда в этом захоронении является размещение панциря черепахи в месте перекрещивания ног. Керамические сосуды в данных захоронениях располагались как в ногах погребенных (погр. № 150/к-13, 293/к-34), так и возле головы (погр. № 264/к-24, 282). При этом сосуды могли находиться как внутри деревянных могильных сооружений, так и за их пределами.

При костяке мужчины из погребения № 150/к-13 (рис.5, 10) был найден следующий инвентарь: шесть железных трехлопастных черешковых наконечников стрел (рис.5, 16), бронзовая петля от налущья (рис.5, 14), боевой топорик-чекан (рис.5, 13), бронебойный наконечник копья (рис.5, 12), железная сабля (рис.5, 11) в деревянных ножнах, от которых сохранилась железная петля для портупей, поясной набор, состоящий из бронзовой пряжки (рис.5, 22), бронзовых литых бляшек (рис.5, 23-25) и бронзового литого наконечника (рис.5, 26), бронзовый перстень, на щитке которого был выгравирован знак в виде снежинки (рис.5, 21), железный крюк для доставания мяса из котла (рис.5, 27). При костяке коня были обнаружены пара железных стремян (рис.5, 6), удила с фигурными псалиями (рис.5, 7), железная подпружная пряжка (рис.5, 20), бронзовая скоба с остатками кожи (рис.5, 19), девять бронзовых бляшек круглой формы от ремней сбруи (рис.5, 17, 18), пламевидный наконечник копья (рис.5, 15). В захоронении также найдены салтовская кружка с петлевидной ручкой (рис.5, 8), крымская ойнохоя (рис.5, 9) и котел, изготовленный из тонкого бронзового листа.

Слева от груди погребенного были обнаружены костяные накладки на лук. В данном захоронении лук представлен парой концевых фронтальных накладок (рис.5, 2, 3), фрагментированными клиновидными тыльными плечевыми накладками (рис.5, 1, 4) и фрагментом одной срединной боковой пластины (рис.5, 5). Длина концевых фронтальных накладок достигала 10,3 сантиметра. Один из лицевых концов накладок на протяжении 3,8 см был покрыт системой косых насечек. Клиновидные тыльные плечевые накладки сохранились на длину 13,2 и 16,0 сантиметров. В реальности их длина, по-видимому, достигала 20-25 сантиметров. Ширина накладок составляла 2,4-2,5 сантиметров. Внут-

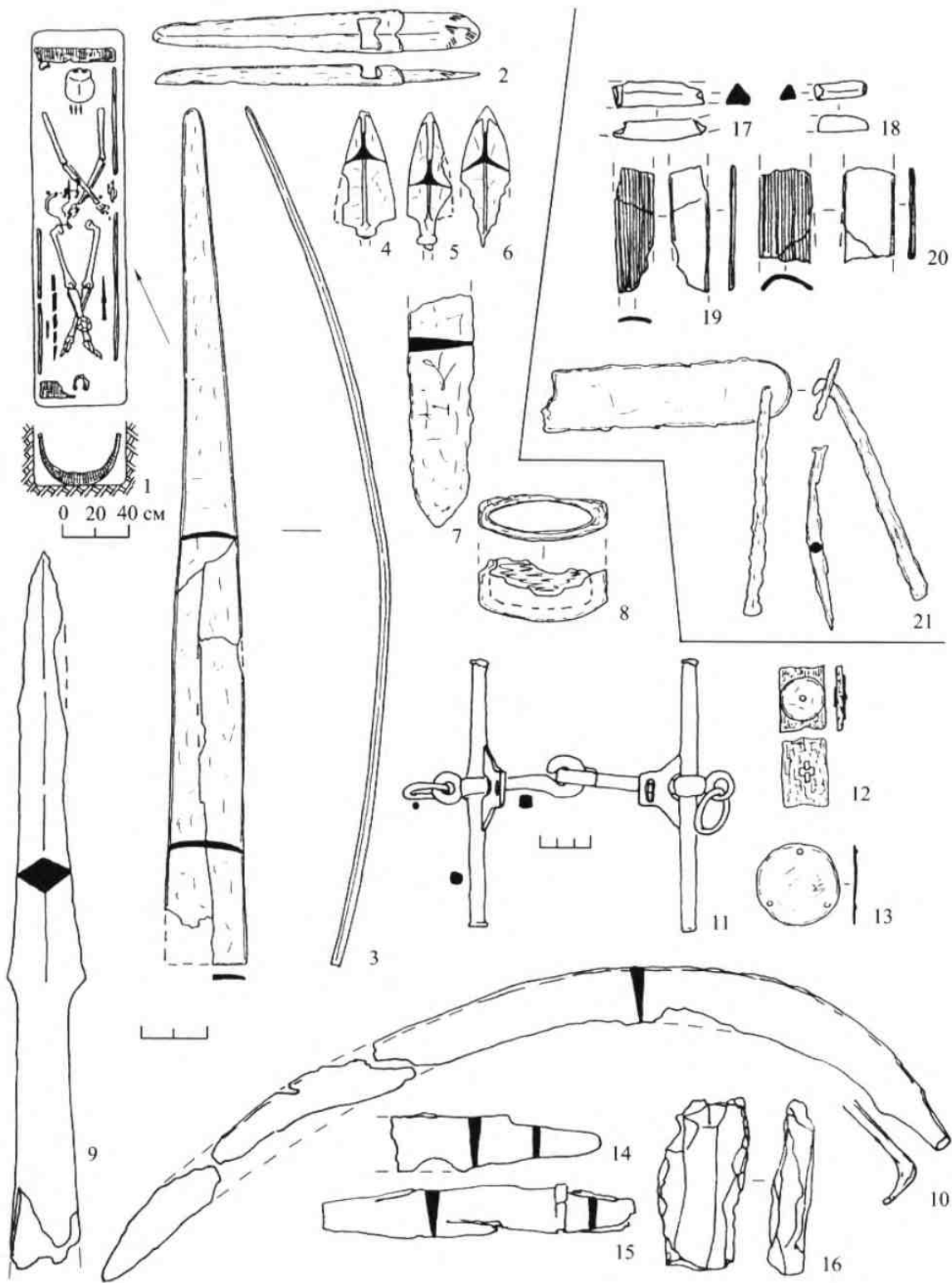

Рис. 2. Погребения № 282, 233: 1-16 – погребение № 282, 17-21 – погребение № 233.
 Fig. 2. Burials 282, 233: 1-16 – burial 282, 17-21 – burial 233

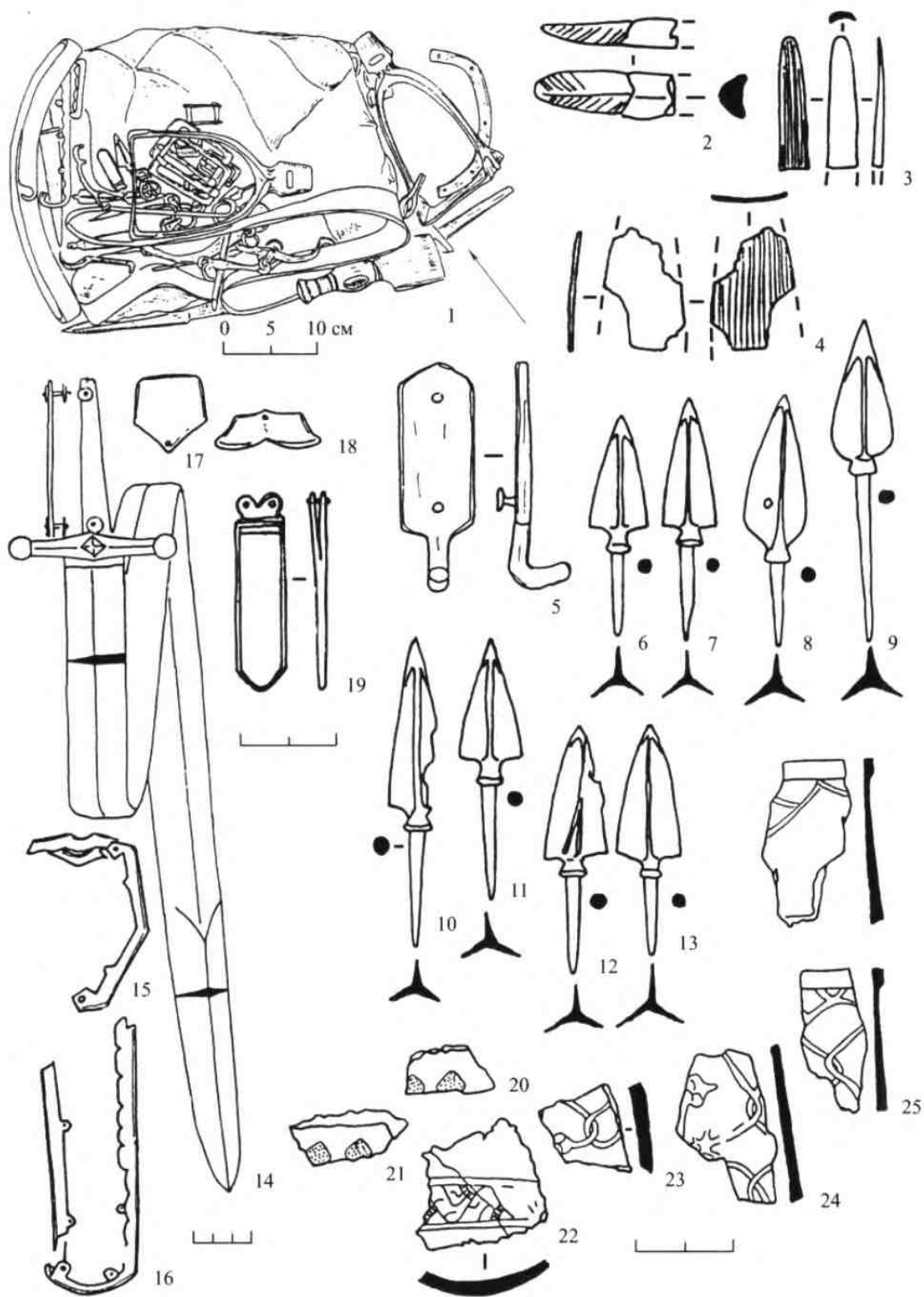

Рис. 3. Погребение № 254.
Fig. 3. Burial 254

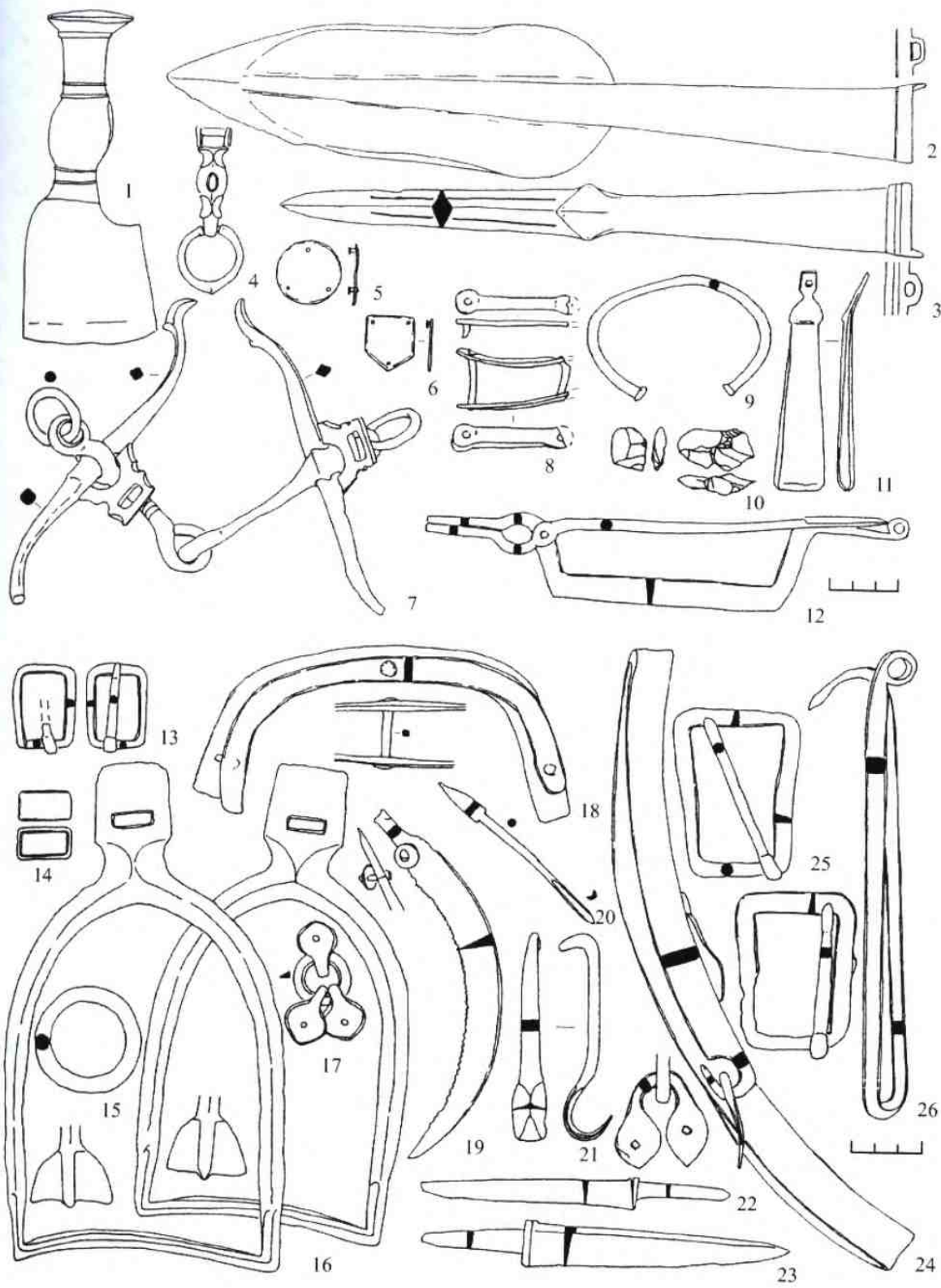

Рис. 4. Инвентарь погребения № 254.
 Fig. 4. The inventory of burial 254

тренняя сторона накладок была покрыта системой частых горизонтальных насечек. Срединная боковая пластина сохранилась на длину 9,4 см при ширине 2,3 сантиметра. Боковой край пластины был покрыт частой косой насечкой.

Мужчина из погребения № 282 был захоронен в сопровождении салтовской кружки, железных удила (рис.2, 11), бронзовых бляшек круглой формы от ремней оголовья (рис.2, 12, 13), железного столбикового серпа (рис.2, 10), бронебойного копья (рис.2, 9), трех трехлопастных черешковых наконечников стрел (рис.2, 4-6), сабли (рис.2, 7) в деревянных ножнах, от которых сохранились железные оковки (рис.2, 8), костяных накладок лука.

В данном погребении лук был представлен только одной концевой фронтальной накладкой длиной 9,4 см (рис.2, 2) и одной изогнутой клиновидной тыльной плечевой накладкой длиной 26,0 см (рис.2, 3). Ширина клиновидной тыльной плечевой накладки в нижней части составляла 2,5 сантиметра. Внутренняя ее поверхность покрыта частыми продольными насечками.

Полнее представлен лук в погребении № 293/к-34 (рис.6, 1). Лук, преднамеренно сломанный в древности, был положен на дно могильной ямы сбоку от гроба с останками умершего мужчины. Из захоронения происходят фрагмент концевой фронтальной накладки (рис.6, 3), целая концевая фронтальная накладка (рис.6, 2), две фрагментированные слегка изогнутые клиновидные тыльные плечевые накладки (рис.6, 4, 5) и одна срединная боковая пластина (рис.6, 6). Длина лучше сохранившейся концевой фронтальной накладки составляла 8,8 сантиметра. Клиновидные тыльные плечевые пластины сохранились на длину 10,8 см и 17,8 см при ширине в 2 сантиметра. Срединная боковая пластина имеет вид вытянутого, асимметричного полуovalа размерами 10,2x1,5 сантиметра.

В этом же погребении были найдены железные удила (рис.6, 17), пара стремян (рис.6, 13, 14), железная сбруйная пряжка (рис.6, 16); бронебойный наконечник копья (рис.6, 18), три трехлопастных черешковых наконечника стрелы (рис.6, 7), салтовский кувшин с носиком-сливом (рис.6, 12), поясной набор, состоящий из железной бесщитковой пряжки (рис.6, 8) и бронзовых литых поясных бляшек (рис.6, 9-11).

Лук совершенно другого типа был помещен в захоронение № 264/к-24 (рис.7, 1). Он представлен только одной концевой боковой накладкой: длинной, тонкой, слегка изогнутой пластиной, внутренняя сторона которой покрыта параллельными продольными насечками (рис.7, 7). Один конец накладки, где был сделан вырез для тетивы, обломан. Противоположный конец, по сравнению с общей поверхностью пластины, слегка углублен и

дополнен системой косых насечек. Насечки нанесены и на одну из боковых граней пластины. Длина сохранившейся части накладки – 17,4 сантиметра. Ширина пластины – 1,0-1,5 сантиметра. Подобные концевые боковые накладки характерны для так называемого лука гуннского типа и встречаются в раннем средневековье практически у всех народов степного пояса Евразии от Забайкалья до Венгрии. Однако боковая концевая накладка лука из погребения № 264/к-24 по своим размерам, плавному, равномерному изгибу относится к позднему типу подобных накладок. Они характерны для 1-й линии эволюционно-технологического развития луков “хазарской” технологии (группа Б), представленной накладками луков из захоронений кургана 1 Авиловского могильника, кургана 2 Саловского IV могильника, кургана 13 Новоаксайского могильника (Круглов Е.В., 2004, рис.5; 2005, с.80, рис.34, 4, 5, 8, 13).

В данном захоронении с конем были также найдены железные удила (рис.7, 20), пара стремян салтовского типа (рис.7, 17), фрагменты железных сбруйных пряжек (рис.7, 18, 19), бронзовые бляшки листовидной формы и наконечники (рис.7, 25) от ремней оголовья, бронзовые бляшки круглой формы (рис.7, 26) от ремней сбруи, бронзовый чумбурный блок (рис.7, 27), крупный бронзовый бубенчик (рис.7, 16), бронебойный наконечник копья (рис.7, 5), боевой топорик-чекан (рис.7, 2), железная сабля (рис.7, 3, 4) в деревянных ножнах, железный пластинчатый пинцет (рис.7, 15), салтовский кувшин с носиком-сливом (рис.7, 23), салтовская кружечка (рис.7, 28), роговая коробочка (рис.7, 6), бронзовый язычок от пряжки (рис.7, 24), бронзовая стержневая пуговица (рис.7, 8), бронзовая рукоятка от шарнирной копоушки (рис.7, 21), бронзовый колчаный крючок и бронзовая литая квадратная петелька к нему (рис.7, 9, 10), пять железных трехлопастных черешковых наконечников стрел (рис.7, 11-14), кремень (рис.7, 22).

Погребальный инвентарь рассматриваемых захоронений типичен для “классических” салтовских древностей, хотя сами захоронения с луками отражают разные погребальные традиции тюрко-болгарского населения юга Восточной Европы эпохи раннего средневековья.

Сабли представлены в захоронениях № 150/к-13, 254, 264/к-24. Сохранность сабли из погребения по обряду трупосожжения лучше, чем сохранность сабель из ингумационных захоронений, хотя она и была положена в погребение в преднамеренно деформированном состоянии. Хуже всего сохранилась сабля в погр. № 264/к-24. Все сабли представляют собой однолезвийные полосы с едва заметной кривизной, которая не превышает 1,5 сантиметра. Длина клинка достигает 90 см, длина рукояти со-

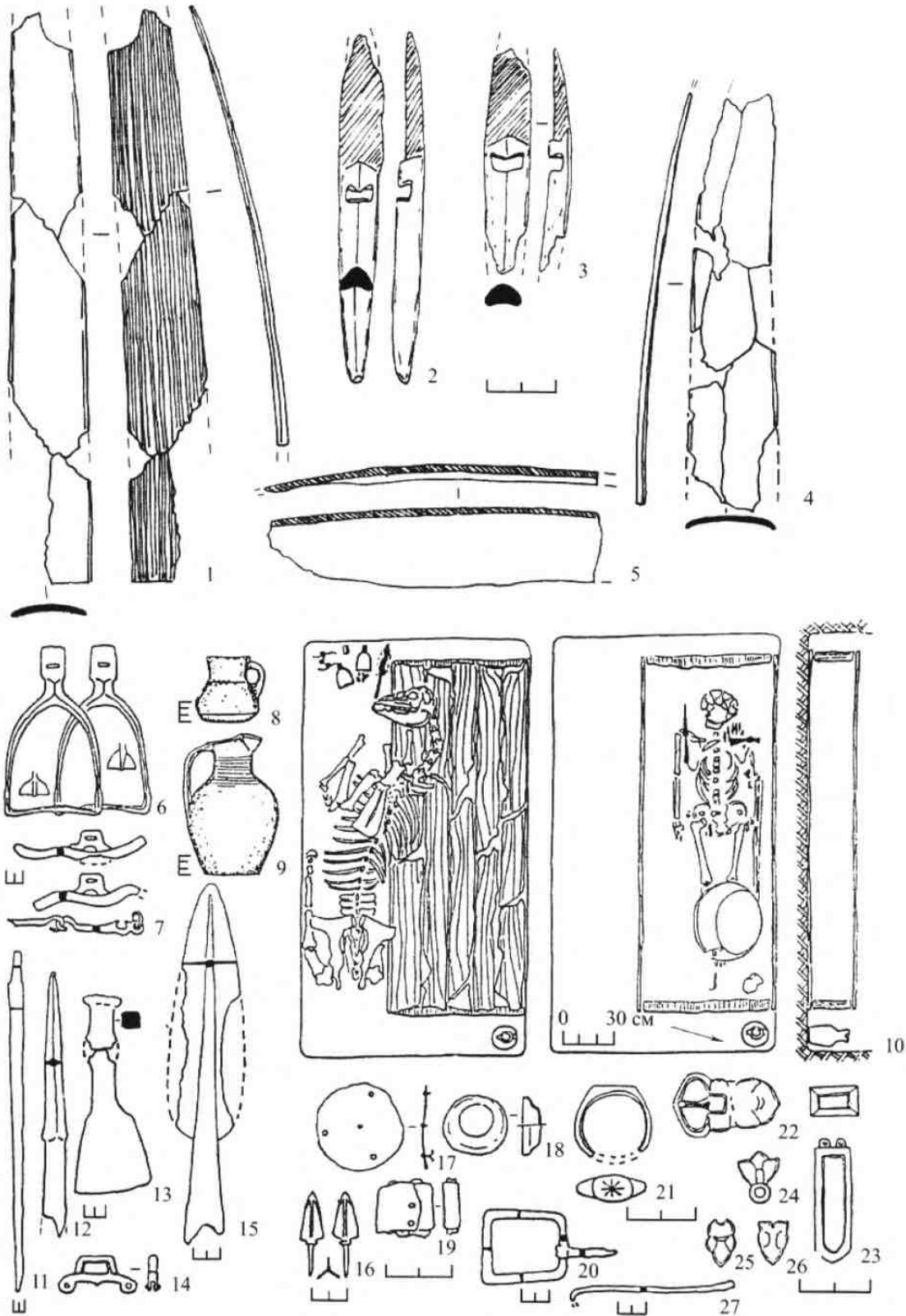

Рис. 5. Погребение № 150/к-13.
Fig. 5. Burial 150/к-13

ставляет 10-13 сантиметров. Ширина клинка – 3,0 – 3,5 сантиметра. Спинка и лезвие клинка почти на всем протяжении параллельны и сходятся лишь у острья. Острие клинка расковано на два лезвия на протяжении 14-15 сантиметров. Особенно хорошо это видно у сабли из погр. № 254. Стержень рукояти брусковидный, выкован вместе с клинком. У сабеля из погребений № 150/к-13 и № 254 стержень рукояти имеет небольшой наклон на сторону лезвия. Из-за плохой сохранности сабли из погр. 264/к-24 установить, имел ли стержень рукояти наклон, не представляется возможным. Перекрестье сохранилось только у двух сабель из погр. № 254 и 264/к-24. Одно из них брусковидное с прямыми концами (погр. № 264/к-24) (рис.7, 4), второе – в виде сильно вытянутого ромба с подквадратным выпуклым расширением в центре и дисковидными расширениями на концах (погр. № 254) (рис.3, 14).

Из погребения № 254 происходит серебряное навершие рукояти сабли, представляющее собой невысокий, овальный в плане, стаканчик с 2 остроугольными выступами по бортикам (рис.3, 17). В выступах имеются отверстия, через которые навершие и крепилось к рукояти сабли. Это съемное навершие сопровождалось узким фигурным серебряным овальным в плане обручем (рис.3, 18), служившим для более прочного скрепления деревянных накладок на рукоять возле самого перекрестья. Подобное съемное навершие было встречено в одном из захоронений Верхне-Салтовского катакомбного могильника (Покровский А.М., 1905, табл.ХХ, 14, 15). От деревянных ножен сабель в погребениях сохранились только металлические оковки. Это согнутые углом или же полуovalом пластины, служившие оковками торцевых сторон ножен (рис.3, 16). В погребении № 254 они были изготовлены из серебряного листа и находились в комплекте с двумя фигурными португейными скобами (рис.3, 15). Подобные скобы представлены и в салтовских памятниках лесостепного Подонья (Крыганов А.В., 1987, с.75), и в древностях VIII-IX вв. Северо-Западного Предкавказья (Дмитриев А.В., 2003, рис.90, 52). Аналогичные сабли найдены в алано-болгарских древностях Подонья (Каминский В.Н., 1987, рис.3, 26; Криганов А.В., 1993, с.53, рис.1, 2), в болгарских могильниках Поволжья (Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964, с.63-65; Матвеева Г.И., 1997, рис.114, 2), в хазарских подкурганых захоронениях с ровиками (Иванов А.А., 2000, с.10). Принимая во внимание незначительные размеры клинков сабель, их слабую кривизну, тип перекрестий, данные сабли могут быть датированы 2-й пол.VIII – сер.IX в. (Измайлов И.Л., 1989, с.109).

Найденные в захоронениях наконечники копий относятся к двум типам. К первому типу принадлежат обнаруженные во всех захоронениях

втульчатые наконечники с узким длинным пером ромбического или квадратного сечения – пики. У наконечников копий из погр. № 264/к-24, 293/к-34 насад плавно переходит в перо так, что плечи пера не прослеживаются, а сам наконечник имеет вид клина (рис.6, 18; 7, 5), а наконечники из погр. № 150/к-13, 254, 282 имеют в месте перехода насады в перо более или менее резко выраженные выступы, длина же насады и пера приблизительно одинаковые (рис.2, 9; 4, 3; 5, 12). Наконечник из погр. № 254 декорирован по шейке насады и перу врезным орнаментом (рис.4, 3). Идентично орнаментированные наконечники копий известны в материалах 2-й пол.VIII – нач.IX в. могильника на р.Дюрсо (Дмитриев А.В., 2003, рис.89, 44, 45, 47). Наиболее ранние образцы подобных наконечников копий в Восточной Европе найдены в аварских могильниках VII – 1-й пол.VIII в. Подунавья (Eisner I., 1952, об.47, 6; 96, 2), в Поднепровье (Глодосы), в раннеболгарских комплексах 2-й пол.VII – VIII в. Среднего Поволжья (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, рис.24, 1, 3). Н.Я.Мерперт датирует пиковидные наконечники из салтово-маяцких памятников сер.VIII в. (Мерперт Н.Я., 1951, с.26).

В двух захоронениях (№ 150/к-13, 254) пики находились в комплекте с наконечниками копий, представляющими собой конусообразную, во всю длину наконечника, втулку с двумя боковыми крыльями, образующими перо (рис.4, 2; 5, 15). Форма пера в одном случае (погр. № 150/к-13) имела листовидные, в другом (погр. № 254) – пламевидные очертания. Для салтовского времени этот тип наконечников архаичен. В салтовских захоронениях подобные наконечники всегда находятся в комплекте с наконечниками пик и входят в состав богатых воинских комплексов (Крыганов А.В., 1989а, с.109).

Все найденные в рассматриваемых захоронениях топоры проушные и имеют в различной степени оттянутый обух-чекан. В погр. № 216/к-19, 264/к-24 топоры снабжены оттянутым в сторону держак лезвием, образующим как бы уступ (рис.1, 16; 7, 2). Этот тип топоров (вид II, 3, по С.А.Плетневой) достаточно хорошо представлен в салтово-маяцких древностях (Плетнева С.А., 1989, рис.35). В VIII-X вв. они встречаются на Северном Кавказе (Тарабанов В.А., 1983, рис.1, 15), в Прикамье (Алихова А.Е., 1969, табл.18, 19), в Поволжье (Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964, табл.IX, 4-6), в Подонье (Савченко Е.И., 1986, рис.7, 1). По мнению ряда исследователей, топоры этого типа чаще встречаются в памятниках, датируемых не ранее кон.IX в. (Крыганов А.В., 1987, с.86). Топоры-чеканы, обнаруженные в захоронениях № 150/к-13, 254, отличаются двубородчатая форма лезвия (рис.4, 1; 5, 13). Подобные боевые топоры характерны, прежде всего, для раннесредневековых древностей Северного

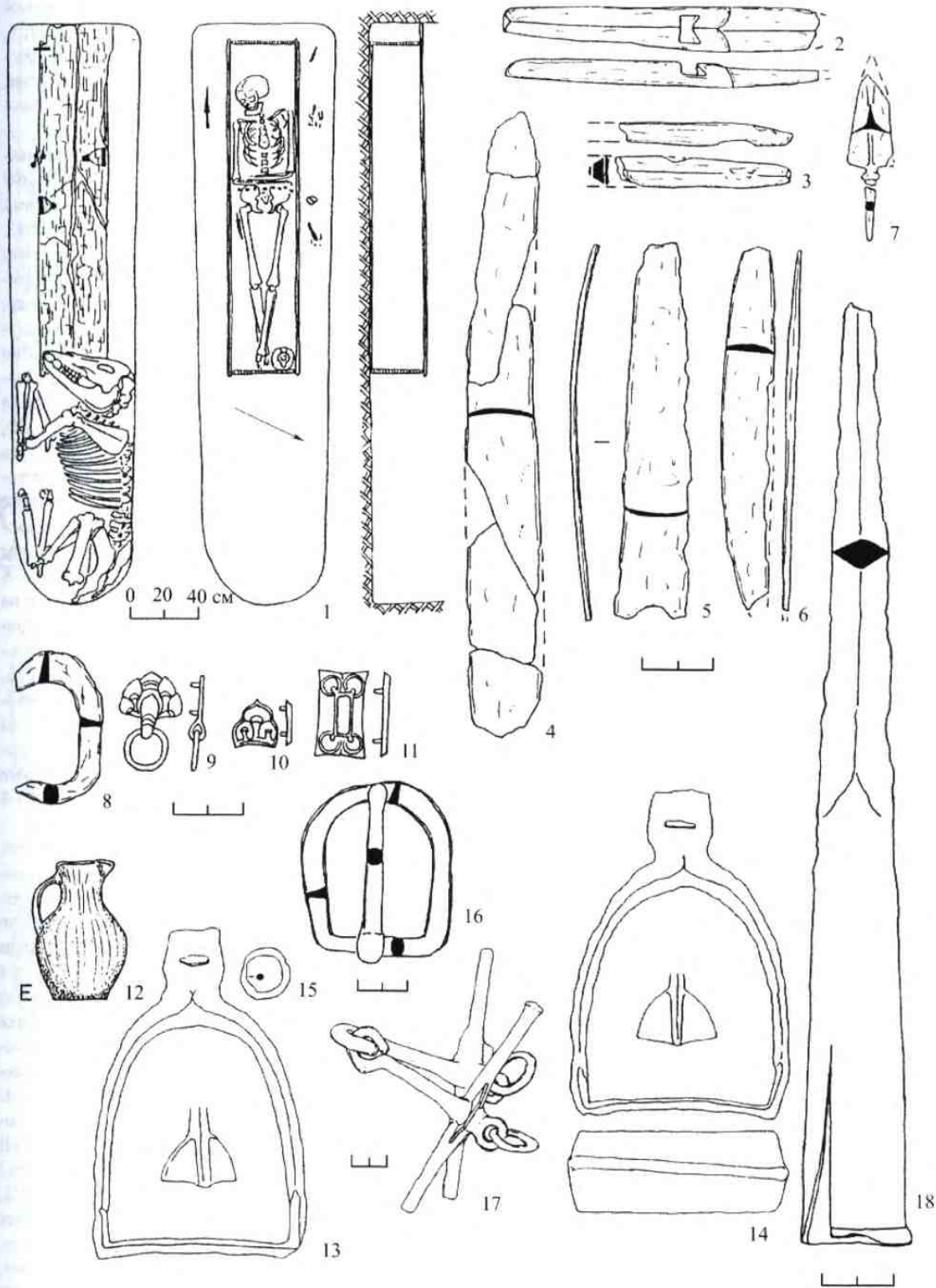

Рис. 6. Погребение № 293/κ-34.
 Fig. 6. Burial 293/κ-34

Кавказа (Минаева Т.М., 1951, рис.6, 1). Близкие по форме топоры известны в древнерусских материалах IX-XI вв. (Кирпичников А.Н., 1966, табл. XII, 4-6), в венгерских могилах IX-X вв. (Ковач Л., 1981, с.11), в памятниках Дунайской Болгарии (Въжарова Ж.Н., 1976, обр.176, 5). По материалам Подонья топоры этого типа принято датировать сер. IX в. (Крыганов А.В., 1987, с.87).

В пяти захоронениях с луком были обнаружены наконечники стрел. Все наконечники – железные, черешковые, трехлопастные. По форме пера они относятся к нескольким типам. Треугольные наконечники (тип 13, по А.Ф.Медведеву) (рис.2, 4; 3, 6, 7, 11-13; 5, 16; 6, 7; 7, 11, 14) присутствуют во всех погребениях. Существовали они на обширной территории и датируются VIII-IX вв. (Медведев А.Ф., 1966, с.53). Наконечники данного типа характерны как для аланских памятников Подонья (Крыганов А.В., 1993, рис.2, 1), так и для степных памятников салтовского времени (Власкин М.В., Ильюков Л.С., 1990, рис.5, 6; Круглов Е.В., 1992, рис.4, 12; Савченко Е.И., 1986, рис.7, 11). В погребениях № 254, 264/к-24, 282, 293/к-34 найдены килевидные наконечники стрел с плечиками (тип 16, по А.Ф.Медведеву) (рис.2, 5; 3, 10; 7, 12, 13). Датируются они VIII-IX вв. и имеют широкую территорию распространения. Из погребения № 254 происходят остролистные наконечники стрел (тип 21, по А.Ф.Медведеву) (рис.3, 8, 9). Такие наконечники характерны для памятников 2-й пол. VIII – X в., в кочевнических древностях встречаются нечасто. Наконечники этого типа из погребения № 254 имеют отверстия в нижней части лопастей. Аналогичные наконечники происходят из захоронений могильника на р.Дюрсо (Дмитриев А.В., 2003, рис.89, 6).

Найденные в погребениях № 254, 264/к-24 колчаные крючки принадлежат к отделу пластинчатых (рис.3, 5; 7, 9). Оба крючка имеют шток пятиугольной формы. Крючок из погр. № 254 железный, крючок из погр. № 264/к-24 бронзовый. Аналогом бронзовому крючку является колчаный крючок из Большетарханского могильника VIII-IX вв. (Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964, табл. XIII, 5). Немногочисленные аналогии бронзовым пластинчатым крючкам есть в раннесредневековых материалах Поволжья, Башкирии, Дагестана (Генинг В.Ф., 1953, рис.34, 2; Магомедов М.Г., 1981, рис.3, 3; 4, 10). В целом же, в салтовских древностях численно преобладают рамчатые колчаные крючки (Крыганов А.В., 1993, рис.2, 10-13).

Конская сбруя в погребениях представлена стременами и удилами. Все обнаруженные стремяна относятся к так называемому “салтовскому” типу и имеют высокие пластинчатые петли с более или менее выраженным перехватом, высокие ароч-

ные корпуса, вогнутые во внутрь узкие подножки с одним жгутом (рис.1, 15; 4, 16; 5, 6; 6, 13, 14; 7, 17). Стремяна данного типа получили широкое распространение в VII-IX вв. на огромной территории, от Саяно-Алтая до Венгрии и Чехии (Кирпичников А.Н., 1973, с.49).

Все найденные удила – железные, двусоставные с псалиями. Псалии из погр. № 216/к-19, 264/к-24, 282, 293/к-34 относятся к типу гвоздевидных (рис.1, 11; 2, 11; 6, 17; 7, 20), из погр. № 150/к-13, 254 – к типу S-видных (рис.4, 7; 5, 7). Один конец псалиев из погр. № 150/к-13 оформлен в виде стилизованных конских головок (рис.5, 7), из погр. № 254 – в виде “сапожка” (рис.4, 7). Удила с псалиями в виде конских головок были неоднократно встречены в поминальных комплексах и захоронениях кремационного могильника Сухая Гомольша (Михеев В.К., 1985, рис.7, 1; 8, 2, 10, 20; 11, 22), в других погребениях могильника Красная Горка (Аксенов В.С. и др., 1996, рис.4, 17), в комплексах из с.Тополи и Ново-Покровского могильника (Кухаренко Ю.В., 1951, рис.32, 34, 36). “Сапожковидные” псалии довольно хорошо представлены в древностях кочевников Южной Сибири VIII-X вв. (Савинов Д.Г., 1984, табл.4, 11; 5, 1). Однако по оформлению псалии из погр. № 254 близки псалиям из погр.2 кургана 13 Новинковского II могильника (2-я пол. VII – 1-я пол. VIII в.) (Матвеева Г.И., 1997, рис.60, 3). Удила и с гвоздевидными, и с S-видными псалиями, в целом, широко представлены на памятниках салтовской культуры. Однако в хронологическом плане удила с S-видными псалиями чаще встречаются в комплексах 2-й пол. VIII – 1-й пол. IX в. (Крыганов А.В., 1989б, с.100).

Некоторые различия в расположении петель на концах грызел удил из данных захоронений позволяют уточнить относительную хронологию рассматриваемых погребений с луками. Так, петли для псалиев и поводного ремня на грызлах удил из погр. № 254, 264/к-24, 282, 293/к-34 повернуты в разных плоскостях, тогда как на грызлах удил из захоронений № 150/к-13, 216/к-195 они находятся в одной плоскости (рис.1, 11; 5, 7). По мнению исследователей, первый тип грызел возник несколько позднее второго (Кирпичников А.Н., 1973, с.14; Крыганов А.В., 1989б, с.99). Второй тип грызел достаточно хорошо представлен в памятниках кон. VII – 1-й пол. VIII в. (Вознесенка, Арцибашево и др.) (Гринченко В.А., 1950, табл.1; Монгайт А.П., 1951, рис.43, 17). В салтово-маяцких древностях они встречаются уже реже. В них преобладают грызла первого типа (Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964, табл. IX, 1, 3, 4, 6, 7, 9; Плетнева С.А., 1989, рис.38; Кирпичников А.Н., 1973, с.13-14).

К элементам конской узда принадлежат железные соединители ремней оголовья, найденные

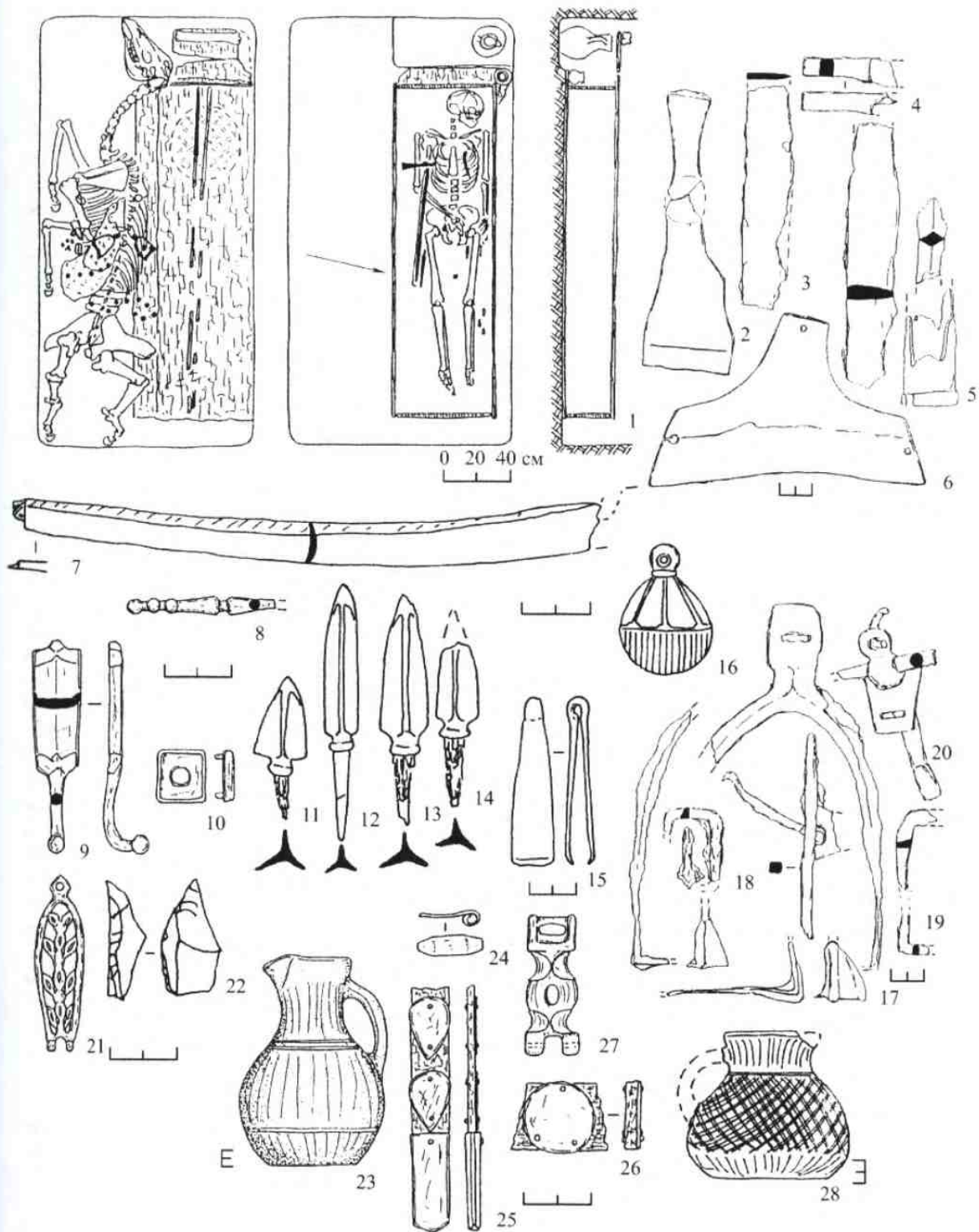

Рис. 7. Погребение № 264/κ-24.
Fig. 7. Burial 264/κ-24

в погребениях № 216/к-19, 254 (рис.1, 10; 4, 17). Соединители этого типа широко распространены в кочевнических древностях с начала средневековья (Въжарова Ж.Н., 1976, обр.81, За, 36; Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964, табл.13, 4; Дмитриев А.В., 2003, рис.88, 76-83). Подобные соединители в памятниках Поволжья и Подончья происходят из комплексов, датируемых не ранее IX в. (Крыганов А.В., 1987, с.163).

К конскому оголовью относятся фигурные подвески – чумбурные блоки (рис.4, 4; 7, 27). Они (погр. № 254, 264/к-24) представляют собой бронзовые составные подвески, состоящие из фигурно-щитка и соединенного с ним подвижного кольца, по типу соединения которых чумбурные блоки из данных погребений разнятся. Так, фигурная рамка блока из погр. № 264/к-24 соединена с кольцом при помощи шарнирного соединения (рис.7, 27). Чумбурные блоки этого вида встречены в погр. № 138, 262, 289/к-28 могильника Красная Горка, погр. № 54/VI могильника Сухая Гомольша (Михеев В.К., 1985, рис.8, 36). Этот тип подвесок имеет аналогии только в памятниках 2-й пол.VII – сер.VIII в. (Каминский В.Н., 1987, рис.3, 23; Комар О.В., Пюро В.Л., 1999, табл.1, 3; Федоров-Давыдов Г.А., 1984, рис.7, 5, 8). Фигурная рамка подвески из кремационного захоронения № 254 была соединена с уже готовым кольцом в процессе ее литья (рис.4, 4). Блоки этого типа наиболее часто встречаются в “классических” салтово-маяцких древностях (Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964, табл.XVII, 24; Плетнева С.А., 1981, рис.37, 42; Покровский А.М., 1905, табл.22, 103).

Редкой находкой для неаланских салтово-маяцких памятников лесостепи является обнаруженный в погр. № 216/к-19 бронзовый конский начальник (рис.1, 4), преднамеренно сломанный в древности. Конские начальники хорошо известны по аланским захоронениям VIII-IX вв. Подончья (Плетнева С.А., 1989, рис.41, 42; Покровский А.М., 1905, табл.22, 91) и Кавказа (Хайнрих А., 1995, с.2-45). В комплексе с начальником находились большие, круглые, слегка выпуклые бронзовые бляхи-фалары, имеющие 1-2 отверстия для подвешивания к ремням сбруи (рис.1, 13). По периметру фалары украшены тремя оттисками пуансона. Такие бляхи аланы подвешивали на тонких ремешках к подгрудному и подхвостному ремням сбруи коня (Плетнева С.А., 1989, рис.41, 42). Кроме крупных фаларов, в погр. № 150/к-13, 216/к-19, 254, 282, 264/к-24 найдены бляшки от ремней сбруи меньших размеров, круглой, листовидной или щитообразной формы (рис.1, 6-8; 2, 12, 13; 4, 5, 6; 5, 17, 18; 7, 25, 26). Круглые бляшки из погр. № 254 были выполнены из железа, в других случаях они были бронзовыми или же серебряными.

Остатки седел выявлены в двух погребениях (№ 254, 264/к-24). В погр. № 264/к-24 от седла остался только древесный тлен и фрагменты березовой коры на крупе коня. В захоронении № 254 седло было представлено оковкой передней луки. По форме она повторяет трапециевидные очертания луки седла, к которой она прикреплялась с помощью 3 железных заклепок (рис.4, 18). Оковка двойная, рассчитана на довольно тонкую (не более 20 мм) луку, изготовленную, по всей видимости, не из целого куска дерева, а из дощечек. Аналогичные оковки хорошо известны по памятникам VIII-IX вв. аланского варианта салтово-маяцкой культуры (Крыганов А.В., 1993, рис.1, 10; Плетнева С.А., 1989, рис.43; Флёрв В.С., 1984, рис.16, 2).

Орудия труда представлены относительно немногочисленными предметами: ножами, кресалами, серпами, ложкорезом, сверлом. Все ножи имеют прямую спинку и криволинейное лезвие (рис.2, 14, 15; 4, 22, 23). Ножи данного типа были широко распространены в VIII-X вв. на территории от Урала до Венгрии (Михеев В.К. та ін., 1973, с.91). В двух захоронениях (№ 216/к-19, 254) были обнаружены железные складные серпы (рис.2, 24; 4, 19), еще в одном (№ 282) – железный столбиковый серп (рис.2, 10). Столбиковые серпы получают широкое распространение со 2-й пол. I тыс. н.э. в лесостепи и прилегающей к ней южной части лесной полосы Восточной Европы от Поднепровья до Поволжья (Михеев В.К., 1984, с.108-109). Складные серпы по форме рабочей части относятся к типу симметричных. Они слабо изогнуты, лезвие с зазубринами (рис.4, 19). Аналогичные складные серпы хорошо известны по находкам в Подонье и Поволжье, на территории Северо-Западного Кавказа (Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964, табл.10, 9; Кухаренко Ю.В., 1951, рис.30; Саханев В.В., 1914, табл.III, 20). Датируются они широко – VII-X вв. (Левашова В.П., 1956, табл.21). Ложкорез и перовидное сверло (рис.4, 20, 21) (погр. № 254) имеют широкие аналогии в памятниках 2-й пол.I тыс. н.э., принадлежавших разным археологическим культурам (Михеев В.К., 1985, с.71-72, рис.31; 32, 18, 19; 34). Обнаруженное в погр. № 216/к-19 кресало (рис.1, 26) имеет широко распространенную калачевидную форму, которая встречается повсеместно на памятниках Восточной Европы VIII-XIII веков.

На костяке коня в погр. № 264/к-24 была найдена полая внутри роговая “коробочка” в виде буквы “Y” размерами 16,0х9,5 см (рис.7, 6). На каждом из трех ее концов в стенках имеется по два, размещенные на одной линии, отверстия диаметром 0,3-0,4 сантиметра. Назначение подобных предметов до конца не выяснено. Тот факт, что они зачастую встречаются в захоронениях мужчин с оружием (Савченко Е.И., 1986, рис.7, 37; Флёрв В.С., 1990,

рис.20, 7), говорит о том, что эти изделия входили в состав походной экипировки воина-дружинника. Данные коробочки аналогичны более поздним костяным (роговым) казакским и осетинским пороховницам (Свешников И.К., 1993, с.247, рис.65, 3, 4; Калоев Б.А., 1971, с.94, рис.6). Известны находки подобных коробочек в болгарских памятниках 2-й пол.VII – 3-й четв.VIII в. Поволжья (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, рис.40, 8), на памятниках VIII-IX вв. Болгарии (Плиса) (Михайлов С., 1974, обр.38).

Из двух погребений (№ 254, 264/к-24) происходят большие железные пинцеты (рис.4, 11; 7, 15). Подобные предметы встречены в кремациях Сухомольшанского могильника (№ 233, 252, комплекс XVII), являются довольно частыми находками в аланских материалах салтовской культуры Подонья (Аксенов В.С., 2001, рис.4, 16, 17; Плетнева С.А., 1989, рис.55), где, однако, связаны с погребениями женщин или девочек. В рассматриваемых же погребениях пинцеты принадлежат мужчинам. По этнографическим данным пинцеты были необходимым атрибутом мужчин у тюркоязычных народов и служили им для удаления волос на лице (Путешествия ..., 1957, с.42).

В исследуемых погребениях представлен комплекс вещей, связанных с приготовлением пищи. В него входят металлические котлы, крюки для извлечения мяса из котла. Котлы найдены в погребениях № 150/к-13, 254. Котел из погр. № 254 биметаллический. Его тулово подцилиндрической формы было изготовлено из железных пластин, соединенных заклепками. Слегка выпуклое дно сделано из тонкого бронзового листа. Котел достигал диаметра 60 см, при высоте около 25 сантиметров. У котла имела железная ручка, согнутая из узкой (2-2,2 см) металлической полосы, концы которой оформлены в виде петель (рис.4, 24). Подобные металлические ручки, железные пластины котлов часто встречаются на памятниках салтово-маяцкой культуры Подонья (Михеев В.К., 1985, рис.11, 15; Плетнева С.А., 1967, рис.39, 15, 19). Второй котел (погр. № 150/к-13) был изготовлен из бронзового листа. Но, в отличие от вышеописанного, он имел подцилиндрическую форму со слегка выпуклым дном и отогнутым наружу венчиком. Диаметр венчика – 35-36 см, дна – 28 см. Ручка отсутствовала. В целом сосуд больше напоминает по форме таз, чем котел. Высота сосуда достигала 13,5 сантиметров.

Вместе с котлами в упомянутых захоронениях находились железные крюки для извлечения мяса из котла. Один крюк (погр. № 254) имел длинную (50 см) ручку и загнутую рабочую часть (рис.4, 26). В погр. № 150/к-13 встречены фрагменты подобного крюка (рис.5, 27). Аналогичные крюки найдены в Маяках, на Правобережном Цимлянском городи-

ще (Михеев В.К., 1985, рис.37, 1, 5), в материалах могильника на р.Дюрсо (Дмитриев А.В., 2003, с.1-98). Характерно, что у некоторых народов Северного Кавказа подобные изделия продолжали бытовать еще в нач.ХХ в. (Калоев Б.А., 1971, с.167, рис.6в).

Металлические элементы одежды и украшения в рассматриваемых захоронениях немногочисленны и представлены типами, характерными для салтово-маяцкой культуры. Это литая бронзовая сережка (погр. № 216/к-19) с овальным кольцом и подвеской в виде цилиндрика с перехватом в верхней части и шишечкой на конце (рис.1, 17), датированная кон.VIII – нач.IX в. (Мерперт Н.Я., 1951, с.19-20; Плетнева С.А., 1967, с.142-143). В погр. № 254 был обнаружен бронзовый проволочный браслет с утолщениями в виде шляпок гвоздей на концах (рис.4, 9). Аналогичные браслеты встречены на всех могильниках салтово-маяцкой культуры. Из погр. № 150/к-13 происходит бронзовый перстень с небольшим расплюснутым щитком на внешней стороне (рис.5, 21). Данный тип перстней характерен для салтовских древностей нач.IX – 1-й пол.X в. (Плетнева С.А., 1981, с.148).

Из засыпки могильной ямы погр. № 264/к-24 происходит бронзовая литая ручка шарнирной копоушки (рис.7, 21). Ручка имеет вид овальной прорезной лопаточки с округлой петелькой в верхней части для подвешивания. Прорезы в поле лопаточки создают растительный узор, в основе которого лежит стилизованный цветок лотоса на стебле – своеобразный образ мирового дерева. Копоушки данного типа были обнаружены в катакомбах Дмитриевского могильника (№ 83, 150) (Плетнева С.А., 1989, рис.55). Аналогичные копоушки встречены в захоронениях сер.VIII – сер.IX в. могильника Тепень (Баранов И.А., 1990, рис.44, 1; Майко В.В., 2004, рис.72, 6), на могильнике Судак VI, датированном сер.VIII – сер.IX в. (Баранов И.А. и др., 1997, рис.30, 7). Интересно, что большинство салтовских копоушек с лопатковидными ручками являются цельнолитыми. Шарнирное крепление не характерно для вещей “классического” салтовского типа. Оно хорошо представлено в вещах более ранних: поясных бляшках, пряжках, чумбурных блоках VII – 3-й четв.VIII в. (Комар А.В., 1999, табл.3, 60, 61, 63, 64; Гавриутхин И.О., 2005, рис.1, 26, 202, 211, 304, 308). Все это позволяет датировать нашу копоушку 2-й пол.VIII – 1-й пол.IX в.

В кремации № 254 была найдена железная фибула-кресало с завитком на конце приемника, с угловато изогнутой вертикально-пластинчатой спинкой и щипковым прижимающим устройством (рис.4, 12). Фибулы данного типа встречены в других захоронениях (№ 101, 103/к-7) могильника Красная Горка, в поминальном комплексе XVI могильника Сухая Гомольша (Михеев В.К., 1985, рис.9, 16, 17).

в погребениях Нетайловского могильника (Пархоменко О.В., 1983, мал.3, 7-9). Аналогичные фибулы найдены в памятниках VIII-IX вв. Среднего Поволжья (Большестарханский, Танкеевский могильники) (Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964, табл.Х, 3-5; Казаков Е.П., 1971, табл.VIII, 7), в могильниках Северо-Западный Кавказа (Дмитриев А.В., 2003, рис.92, 21, 22).

Керамика в погребениях с луком представлена салтовскими кружками, кувшинами, двуручными столовыми горшками (рис.1, 3; 5, 8; 6, 12; 7, 23, 28). По своей форме, пропорциям, орнаментации, составу теста данные сосуды ничем не отличаются от сосудов соответствующих видов и типов из других памятников салтово-маяцкой культуры (Плетнева С.А., 1967, с.103-128). Все сосуды соответствует "классическим" салтовским формам и могут быть датированы рамками существования всей культуры – 2-й пол.VIII – 1-й пол.X в.

Вызывает интерес сосуд редкого для салтовских древностей Подонцовья типа – кувшин-ойнохой крымского производства (рис.5, 9) из погр. № 150/к-13. Подобные сосуды нечасто встречаются на памятниках лесостепного и степного вариантов салтово-маяцкой культуры. За пределами Крыма они представлены единичными экземплярами. Исключением являются могильники Красная Горка и Червоная Гусаровка в Подонцовье (Аксенов В.С., Михеев В.К., 2003). Единичные экземпляры ойнохой найдены в Нетайловском (погр. №43), Крымском (погр. № 51) и Лысогорском болгарских могильниках (Пархоменко О.В., 1983, рис.2, 1; Савченко Е.И., 1986, рис.3, 9; Красильников К.И. и др., 2006, с.242-243, рис.4, 16), в Верхне-Салтовском (№ 23 раскопки А.М.Покровского) и Дмитриевском (№ 98, 126, 154) аланских могильниках (Плетнева С.А., 1989, рис.72, 74, 75; Покровский А.М., 1905, табл. XXI, 109, 119). Обнаружены крымские ойнохой в славянских Лысогорском (к.6) и I-ом Белогорском (к.2) курганных могильниках (Винников А.З., 1984, рис.16, 4; 23, 13), в Большестарханском (погр. № 75) могильнике в Поволжье (Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964, табл.1, 5). По нашему мнению, салтовские комплексы с крымскими кувшинами-ойнохойми в Подонцовье датируются 2-й пол.VIII – нач. IX в. (Аксенов В.С., Михеев В.К., 1998, с.353).

В трех захоронениях (№ 150/к-13, 254, 293/к-34) встречены элементы поясной гарнитуры. Пряжки поясных наборов обнаружены в погр. № 150/к-13, 216/к-19, 293/к-34. Бронзовая пряжка (№ 150/к-13) относится к типу треугольнорамчатых литых с шитком в виде схематизированного трилистника (рис.5, 22). Из погр. № 216/к-19, 293/к-34 происходят бесшитковые пряжки с рамкой овальной (рис.6, 8) или трапецевидной формы (рис.1, 18). Бляшки поясных наборов представлены несколькими ти-

пами: литые сердцевидной формы, по полю шитка – изображения трех бутонов лотоса (погр. № 293/к-34) (рис.6, 10); литые фигурные в виде схематизированного трилистника (погр. № 150/к-13) (рис.5, 25); литые со шитком в виде схематизированного трилистника и небольшим неподвижным колечком внизу (погр. № 150/к-13) (рис.5, 24); литые с шитком подтреугольной формы, украшенным пятилепестковой пальметкой, и небольшим подвижным кольцом внизу (погр. № 293/к-34) (рис.6, 9); прямоугольные литые "рамочки" (погр. № 150/к-13) (рис.5, 23); литые прямоугольные с поперечной прорезью по центру, которая орнаментирована стилизованными бутонами лотоса по уголкам прорези (погр. № 293/к-34) (рис.6, 11). Наконечники, обнаруженные в двух захоронениях, были однотипными: в виде прямоугольной пластины с округленной нижней частью и двумя выступающими петельками в верхней части, край пластины выделен бугорком (погр. № 150/к-13, 254) (рис.3, 19; 5, 26). Наконечник из погр. № 254 изготовлен из железа, тогда как все остальные элементы поясной гарнитуры бронзовые. В целом элементы поясной гарнитуры в данных захоронениях представлены типами, характерными для кон.VIII – нач.IX в. (салтовский горизонт II, по классификации А.В.Комара) (Комар А.В., 1999, табл.4).

Анализ погребального инвентаря захоронений с луками могильника Красная Горка показал, что все они могут быть датированы кон.VIII – сер. IX века. При этом сложносоставные луки из данных погребений представлены двумя конструкциями "хазарской" технологии: "салтовским" типом – с передними краевыми накладками-челючками (погр. № 150/к-13, 216/к-19, 233, 254, 282, 293/к-34) и луком, предполагавшим использование боковых концевых накладок (погр. № 264/к-24) (Круглов Е.В., 2005, с.92, рис.35). Следует отметить, что луки "салтовского" типа найдены в захоронениях могильника Красная Горка, отражающих разные погребальные традиции, существовавшие у тюрко-болгарского населения юга Восточной Европы – и в труположениях, и в трупосожжениях. Луки этого же типа представлены также в захоронениях 2-й пол.VIII – IX в. донских алан (Плетнева С.А., 1989, рис.32; Криганов А.В., 1993, с.53, рис.1, 3-5) и в погребальных комплексах, приписываемых хазарам (Власкин М.В., Илюков Л.С., 1990, с.139, рис.2, 10, 12, 13; с.143, рис.3, 9; с.144, рис.4, 16, 17; с.145, рис.5, 1, 2, 12-14, 19). Все это свидетельствует, что использование луков "салтовского" типа не было прерогативой какой-то одной группы населения эпохи расцвета Хазарского каганата. Распространение среди степного и лесостепного населения Волго-Донского междуречья 2-й пол.VIII – IX в. лука "салтовского" типа, по-видимому, следует

рассматривать как явление хронологического порядка, обусловленное определенными военно-экономическими потребностями Хазарского каганата. Технические характеристики лука данного типа (относительно небольшие размеры при достаточно высокой гибкости, эластичности и сопротивляемости натяжению) полностью соответствовали требованиям ведения боя в условиях степи и лесостепи Восточной Европы с противником, не облаченным в тяжелую броню. Это косвенно подтверждается единичными находками на салтовских памятниках броневых наконечников стрел. В известных на сегодняшний момент колчаных наборах салтовского времени численно преобладают легкие трехлопастные черешковые наконечники стрел разных типов (Крыганов А.В., 1989а, с.98, рис.1. 1-11; Крыганов А.В., 1993, с.53, рис.2. 1).

Другую линию развития "хазарского" лука представляет лук из захоронения № 264/к-24, в котором использовались боковые концевые пластины. К сожалению, в погребении сохранилась только одна, да и то поврежденная, боковая концевая пластина. Поэтому установить, к какой разновидности "хазарского" лука относится данный экземпляр, не представляется возможным. Гипотетически можно предположить, что данный лук был снабжен еще срединными боковыми и концевыми тыльными пластинами. В хронологическом плане данная разновидность "хазарского" лука возникла несколько раньше, чем найденные в других захоронениях могильника Красная Горка луки "салтовского" типа. Е.В.Круглов относит время формирования данной формы оружия "хазарской" технологии к сер.VIII в. (Круглов Е.В., 2005, с.92). Лук является одной из модификаций "тюрко-хазарского" лука, появившейся в культурно-исторической и государственно-политической среде Хазарского каганата. Захоронение

№ 264/к-24, при общем сходстве с другими ингумациями могильника Красная Горка, отличается от них не только присутствием особого типа лука, но и наличием остатков мясной жертвенной пищи в виде крупной трубчатой кости домашнего животного, положенной за головой погребенного. Благодаря этому погр. № 264/к-24 сближается с захоронениями раннесалтовского горизонта типа Соколовской балки, тогда как остальные захоронения могильника отражают следующий этап трансформации погребальной обрядности в условиях освоения степными районами Подонцовья.

Рассмотренные захоронения могильника Красная Горка показывают, что у населения, оставившего данный некрополь, на вооружении находилось две модификации лука "хазарской" технологии: с концевыми накладками-челноками и с концевыми боковыми пластинами. При этом численно преобладали луки так называемого "салтовского" типа с концевыми накладками-челноками. Луки же с боковыми концевыми пластинами, по-видимому, у данного населения уже выходили из употребления, как не оправдавшие себя в условиях лесостепного пограничья. Специфика погребального обряда и набор инвентаря захоронений могильника Красная Горка указывают, что обе модификации сложносоставного лука, представленные в рассмотренных захоронениях, были принесены в бассейн Северского Донца выходцами из степных районов. Показательным является тот факт, что лук так называемого "салтовского" типа попал к населению лесостепной зоны в уже сложившемся виде. Это позволяет предположить, что время появления сложносоставного лука "салтовского" типа приходится на сер. – 2-ю пол.VIII в., а связано это с перенесением сферы интересов Хазарского каганата с Закавказья на земли лесостепной полосы между Волгой и Днепром.

Литература и архивные материалы

- Аксенов В.С., 2001. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце// ДА. № 1-2.
- Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К., 1996. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника)// Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. К.
- Аксенов В.С., Михеев В.К., 1998. Крымский импорт и хронология некоторых памятников верховий Северского Донца// Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Аксенов В.С., Михеев В.К., 2003. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка// Vita antiqua. № 5-6. К.
- Алихова А.Е., 1969. Материальная культура среднецентинской мордвы VIII-IX вв. Саранск.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара.
- Баранов И.А., 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К.

- Баранов И.А., Майко В.В., Джанов А.В.**, 1997. Раскопки средневековой Сугдес// Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь.
- Винников А.З.**, 1984. Славянские курганы Лесостепного Дона. Воронеж.
- Винников А.З., Афанасьев Г.Е.**, 1991. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж.
- Власкин М.В., Ильюков Л.С.**, 1990. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча// СА. № 1.
- Въжарова Ж.Н.**, 1976. Славяни и прабългари (по данни на некрополите от VI-XI в. на територията на България). София.
- Гавритухин И.О.**, 2005. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ремесленной гарнитуры)// Хазары. Иерусалим; Москва.
- Генинг В.Ф.**, 1953. Бродовский могильник// КСИИМК. Вып.52.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х.**, 1964. Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник. М.
- Гринченко В.А.**, 1950. Пам'ятка VIII ст. коло с.Вознесенки на Запоріжжі// Археологія. Т.3.
- Дмитриев А.В.**, 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V-IX веков// Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. М.
- Иванов А.А.**, 2000. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград.
- Измайлов И.Л.**, 1989. Оружие ближнего боя болгар VIII-X вв.// Ранние болгары в Восточной Европе. Казань.
- Казаков Е.П.**, 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника// Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
- Калосв Б.А.**, 1971. Осетины. М.
- Каминский В.Н.**, 1987. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани// СА. № 4.
- Кирпичников А.Н.**, 1966. Древнерусское оружие. Вып.2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв.// САИ. Е 1-36.
- Кирпичников А.Н.**, 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. Л.
- Ковач Л.**, 1981. Вооружение венгров-обретателей родины: сабли, боевые топоры, копья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Комар А.В.**, 1999. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии)// Vita antiqua. № 2. К.
- Комар О.В., Пиоро В.Л.**, 1999. Курганы хозарского часу на Луганщині// Vita antiqua. № 2. К.
- Красильников К.И., Красильникова Л.И., Терехина В.В.**, 2006. Работы на Лысогоровском могильнике в 2005 г.// Археологічні дослідження в Україні 2004-2005 рр. Київ; Запоріжжя.
- Крыганов А.В.**, 1987. Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VIII-X вв. Дис. ... канд. ист. наук. Харьков.
- Крыганов А.В.**, 1989а. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения)// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Крыганов А.В.**, 1989б. Восточноевропейские кочевнические удила VII-X вв.// Вестник ХГУ. №. 342. Харьков.
- Крыганов А.В.**, 1993. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння// Археологія. № 2.
- Круглов Е.В.**, 1992. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли// СА. № 4.
- Круглов Е.В.**, 2004. Сложносоставные луки раннехазарского времени// Хазарский альманах. Т.3. Харьков.
- Круглов Е.В.**, 2005. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время. Донецк.
- Кухаренко Ю.В.**, 1951. О некоторых археологических находках на Харьковщине// КСИИМК. Т.XLI.
- Левашова В.П.**, 1956. Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X-XIII вв.// Труды ГИМ. Вып.32.
- Магомедов М.Г.**, 1981. Население приморского Дагестана в VII-VIII вв.// Плиска-Преслав. Т.2. София.
- Майко В.В.**, 2004. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Западном Крыму. К.
- Матвеева Г.И.**, 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.
- Медведев А.Ф.**, 1966. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел). М.
- Мерперт Н.Я.**, 1951. О генезисе салтовской культуры// КСИИМК. Вып.36.
- Минаева Т.М.**, 1951. Археологические памятники на р.Гиляч в верховьях Кубани// МИА. № 23.
- Михайлов С.**, 1974. Раскопки на западната порта в Плиска// ИАИ БАН. Т.34. София.

- Михеев В.К.**, 1984. Экономика и социальные отношения у населения Хазарского каганата (вторая половина VIII – середина X вв.). Дис. ... докт. ист. наук. Харьков.
- Михеев В.К.**, 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.
- Михеев В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д.**, 1967. Зброя салтівської культури та її виробництво// Питання історії народів СРСР. Вип.4. Харків.
- Михеев В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д.**, 1973. Ножі салтівської культури та їх виробництво// Археологія. Вип.9.
- Монгайт А.П.**, 1951. Могила всадника у с.Арцибашева// КСИИМК. Вып.41.
- Пархоменко О.В.**, 1983. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII-IX ст.// Археологія. № 43.
- Плетнева С.А.**, 1962. Подгоровский могильник// СА. № 3.
- Плетнева С.А.**, 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура// МИА. № 146.
- Плетнева С.А.**, 1981. Салтово-маяцкая культура// Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Плетнева С.А.**, 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
- Покровский А.М.**, 1905. Верхне-Салтовский могильник// Труды XII АС. Т.1. М.
- Путешествия в восточные страны** Плано Карпини и Рубрука, 1957. М.
- Савин А.М., Семенов А.И.**, 1998. О центральноазиатских истоках лука хазарского типа// Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.
- Савинов Д.Г.**, 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.
- Савченко Е.И.**, 1986. Крымский могильник// АОН. Вып.1. М.
- Саханев В.В.**, 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-1912 гг.// ИАК. Вып.56.
- Свешников І.К.**, 1993. Битва під Берестечком. Львів.
- Тарабанов В.А.**, 1983. Средневековый могильник у аула Казазово// Проблемы археологии и этнографии. Вып.11. Л.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1984. Погребения хазарского времени из урочища “Кривая Лука” в Нижнем Поволжье// Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.
- Флёров В.С.**, 1984. Маяцкий могильник// Маяцкое городище. М.
- Флёров В.С.**, 1990. Маяцкий могильник (раскопки 1979 г.)// Маяцкий археологический комплекс. М.
- Хайрих А.**, 1995. Раннесредневековые катакомбные могильники из селений Чми и Кобан// Аланы: история и культура. Владикавказ.
- Eisner I.**, 1952. Devinska Nova ves. Bratislava.

Summary

V.S.Aksionov, V.K.Mikheiev (Kharkov, Ukraine)

BURIALS WITH COMPOUND-COMPLEX BOWS OF KRASNAIA GORKA BIRITUAL BURIAL GROUND OF SALTOV CULTURE

At the Krasnaia Gorka biritual burial ground of Saltov culture in seven burials of the end of the 8th – the mid 9th cc. (3 cremations and 4 inhumations) the remains of the unequally preserved compound-complex bows, presented by a different number of horn overlays, have been found. By horn overlays it has been determined that the missile weapon of distant combat was presented by compound-complex bows of two types: the “Saltov” type with forward edge overlays-shuttles (burials 150/к-13, 216/к-19, 233, 254, 282, 293/к-34) and the bow with lateral end overlays (burial 264/к-24). The “Saltov” type bows were found in burials of the Krasnaia Gorka burial ground which reflect different funeral traditions that existed among the Turkic-Bulgarian population in the south of Eastern Europe – both in inhumations and cremations. Bows of the same type were found also in Don Alanian burials of the 2nd half of the 8th – the 9th cc. and in the funeral complexes attributed to the Khazarians. All this testifies to the fact that using the “Saltov” type bows was not a prerogative of any single group in the population of the Khazar Qağanate in the flourishing age of the latter. Apparently, wide use of the “Saltov” type bow by the steppe and forest-steppe population of the Volga-Don interfluvium in the 2nd half of the 8th – the 9th cc. should be considered as a chronological phenomenon caused by certain military-economic needs of the Khazar Qağanate. Characteristics of a bow of this type (rather small size at quite high flexibility, elasticity and tension resistibility) completely fitted requirements of fighting in the conditions of the Eastern European steppe and forest-steppe with the opponent not covered with heavy armour.

The other line of the "Khazar" bow development is represented by a bow from burial 264/κ-24. Unfortunately, there was only one lateral end plate, damaged besides, preserved in the burial. Therefore, it is impossible to determine what type of the "Khazar" bow this copy belongs to. It could be hypothetically presumed that the bow also had median lateral and end rear plates. Chronologically this variant of the "Khazar" bow appeared somewhat earlier than "Saltov" type bows found in other burials of the Krasnaia Gorka burial ground. This is one of modifications of the "Turkic-Khazar" bow which appeared in cultural-historical and state-political environment of the Khazar Qağanate. Being generally similar to other inhumations of the Krasnaia Gorka burial ground, burial 264/κ-24 differs from them not only by a special type of a bow but also by remains of meat sacrificial food found in it. Owing to this burial 264/κ-24 draws closer to those of the early Saltov horizon like Sokolovskaia Balka, whereas other burials of the burial ground reflect the next stage of funeral ceremonialism transformation in the conditions of development of forest-steppe areas of the Severkii Donets reaches by inhabitants of steppe regions.

Specific character of a funeral ceremony and a set of inventory of the burials of the Krasnaia Gorka burial ground indicate that both modifications of the compound-complex bow presented in the examined burials were brought to the Severskii Donets basin by natives of steppe areas.

Статья поступила в редакцию в декабре 2007 г